

УДК 930.85+ 821.161

ББК 63.3 (2) + 83.3(2Рос=Рус)

*М. В. Первушин,
Институт мировой литературы
имени А. М. Горького
Российской академии наук,
ул. Поварская, 25а, 121069, г. Москва, Россия*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация: Общее число известных сегодня рукописей о святом князе Владимире — около двухсот за весь средневековый период (27 произведений и их редакций), но в них крайне мало фактического материала о самом князе Владимире и русской Церкви его времени. При изучении подавляющего большинства произведений этого письменного наследия у внимательного читателя возникают недоумения и вопросы. Лишь небольшая группа древнерусских памятников отличается обоснованностью и логичностью изложения великокняжеских деяний. Автор придерживается мнения, что это — результат «информационной войны», которую Русь проиграла грекам и в ходе которой были уничтожены практически все исторические свидетельства о первых пятидесяти годах существования русского христианского государства во главе с равноапостольным князем-крестителем Владимиром. Сегодня восстановить историю того времени можно лишь гипотетически.

Ключевые слова: Древняя Русь, святой князь Владимир, русская Церковь, Византия, ромеи, житие, государство, крещение, славяне.

Дата поступления статьи: 24.03.2016

Информация об авторе: Михаил Викторович Первушин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. E-mail: 1609pm@gmail.com

При чтении источников по первоначальной истории Руси вырисовывается удивительная картина: с одной стороны, умолчать о личности равноапостольного князя Владимира и его деятельности на Руси было невозможно, но, с другой стороны, при всех похвалах святому князю в них крайне мало фактического материала о нём и русской Церкви его времени. Это отмечают такие мэтры отечественной науки, как М. Д. Приселков, А. В. Карташов, А. Е. Пресняков, Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов и многие другие [1, 3, 5–7, 14–17, 24–27].

Казалось бы, память о святом равноапостольном Владимире, князе киевском, закреплена во многих источниках — в русском летописании, в ряде литературных произведений XI–XVII вв. и фольклорных памятников, в богослужебной книжности, в иконографии, храмоздательстве и т.п. Круг этих источников, соотнесённый с информацией, содержащейся в сочинениях латинских, греческих, арабских, армянских авторов¹,

¹ Разнообразные свидетельства о равноапостольном Владимире содержатся в иностранных источниках: послании к германскому королю Генриху II архиепископа-миссионера Бруно Кверфуртского

в целом определён и опубликован. Этим источникам посвящено множество научных трудов [13, с. 705–706]. Но при изучении как самих источников, так и их исследований вопросы не только не снимаются, но множатся. Ощущается дефицит письменных источников. Например, исследовательница Н. И. Милютенко, которая восстановила и издала последний, незавершённый, труд А. А. Шахматова о житиях святого князя Владимира, считает, что житийные тексты о Владимире Святославиче не только недостаточно изучены, но и даже неудовлетворительно изданы [9].

Среди исторических источников большое значение имеют свидетельства очевидцев. Рассказы о том, что было, — даже через призму личности автора, его представления о событии (как, например, в воспоминаниях, дневниках) — это есть источники, по которым грядущие поколения будут характеризовать и описывать наше время и нас. Если изъять эти источники, уничтожить их и все доступные носители, на которых они зафиксированы, то останется чистая пропаганда, т. е. рассказ о том, что было, превратится в рассказ о том, что надо! Сегодня это имеет своё название — информационная война. Её примеров много, и за ними, к сожалению, далеко ходить не приходится. «Война» СМИ — радио, газет, телевидения, Интернета — вышла на первый план; главное в ней — сформировать мнение читателя, слушателя, зрителя, пользователя, остальное он доделает сам. Победа в этой войне гарантирует стратегическое превосходство, а у окружающих или потомков — полное оправдание любых действий. Такие войны начались не в высокотехнологичном XX в., они велись на протяжении всей истории человечества. Например, в истории нашей страны они известны с самого начального её периода.

Многие исследователи (например, крупнейший знаток средневековой русской литературы Н. К. Гудзий) утверждают, что «из литературы, предназначавшейся для чтения, наибольшей распространённостью пользовалась литература агиографическая» [4, с. 29]. Агиографические произведения — это своего рода средневековая массовая литература. Жития (как бы они ни назывались авторами: слово, повесть, сказание, похвала, чтение и т.п.) — жанр литературы, который, как правило, не отличается оригинальностью и сводится к ряду общих мест, регламентированной (порой жёстко) схеме [2]. Конечно, есть исключения, когда в эту схему могут врываться влияния действительности, авторской индивидуальности, чужеродной традиции. Но в целом агиографическая литература стремится выделить в отображаемой жизни не индивидуальное, а общее, не интересное, а должное, не реальное, а идеальное, т. е. донести до читателя идею, идеал. Безусловно, слово «массовая» в современном понимании, с огромным количеством отрицательных коннотаций, нельзя применить к средневековой агиографической литературе. Особенность агиографии в том, что в её восприятии полностью отсутствуют отрицательные элементы (например, представление о «простом» чтении). Но сопоставление житийной и массовой литературы не так парадоксально, как кажется; за это говорит массовость производства и циркуляции житий во всех слоях общества.

Жития святых — это литература, игравшая основную роль в повседневном чтении представителей средневекового общества, обслуживавшая «массового» читателя и утолявшая его основные запросы. Это — литература, которая не просто сосредото-

(1008) и хронике саксонца Титмара Мерзебургского (1012–1018); в византийской хронике Иоанна Скилицы (создана на рубеже XI–XII вв., но использованы достоверные источники 2-й пол. X в.); в арабо-сирийских памятниках — хронике Яхьи Антиохийского (ум. ок. 1066 г.) и в сочинении араба Абу Шоджи ар-Рудравери (ум. в 1095 г.); в армянской хронике Степаноса Таронеци (нач. XI в.).

чила основополагающие (конститутивные) характеристики образа мышления и образа чувствования, но и выразила их на общедоступном уровне.

Сколько житийной литературы о святом князе Владимире осталось в нашем распоряжении с тех времён и какого она качества? Исследователи насчитывают 27 различных произведений и их редакций, которые можно отнести к агиографическому жанру, общее число известных сегодня рукописей этих произведений — около двухсот за весь средневековый период [22, с. 371–375]. Надо сказать, что эта цифра — гигантская в сравнении с другими дошедшими до нас памятниками письменности Древней Руси.

Однако при изучении подавляющего большинства этого письменного наследия у внимательного читателя возникают недоумения и вопросы. Для примера разберём кратко, как представлен святой князь Владимир в его Проложном житии. Текст этого памятника, по мнению А. А. Шахматова, восходит к первоначальной повести о крещении равноапостольного Владимира и является первичным по отношению к обычному житию святого. Самый ранний текст Проложного жития сохранился в списке XIII в. [22, с. 131–170].

Будучи язычником, Владимир отличался вниманием и усердием к отеческому преданию: «Первое же к идолом много тщанье творя по отчю преданью». Его слова не расходились с делами: «Иже оумысли, то и сотвори». Роль святого Владимира в выборе веры посредническая: Бог «избра себе люди новы», и ради них разбудил князя, «въдохну в сего благодать Святаго Духа» [22, с. 138]. Выбрав греческую веру, святой Владимир решил силой привести к себе её учителей и для этого отправился в поход на греческий город Корсунь. интересный факт с точки зрения истории христианства: кто-то из правителей силой насаждал христианскую веру среди языческого народа, а князь Владимир, согласно памятнику, силой её брал.

Но, взяв приступом Корсунь, равноапостольный Владимир как будто забыл, зачем пришел, у него появились другие цели. Он заявил «цареви гречьскому: даи за мя сестру свою; аще ли не даси, то створю граду твоему, яко и сему створих» [22, с. 138]. Получив из Константинополя согласие при условии крещения, он решил его выполнить только после приезда посольства с невестой. За это время он успел заболеть и выздоровел только «въшедшу <...> в святую купель». Крестясь, святой Владимир пребывал в радости. Далее в тексте нигде не встречается мысль о том, что князь обрёл, как и хотел, учителей для Руси.

Вернувшись домой, равноапостольный Владимир избил идолов, заповедал людям «креститься», назначив день и условие: «...кто не обрящется <...> будет противен мне». Момент крещения описан очень живо: народ стоял в воде «ови до пояса, овы до выя, друзии бродяху, а прозвутери по берегу стояху, молитвы глаголюще» [22, с. 139]. Видимо, мало кто понимал, что происходит, оттого и бродили по реке, что свидетельствует об отсутствии христианских учителей в Киеве.

Затем автор жития привёл молитву святого Владимира за своих людей с прошениями: «...призри на новопросвещенныя люди», «...даи <...> оуведети Бога истиннаго», «...утверди их в правую веру». Молясь о себе, святой Владимир просит: «Помози на супротивныя врагы» [22, с. 140]. После крещения киевлян святой князь Владимир «повеле людям ставити церкви по всем градом», а сам поставил храм «святых Богородица» (десятичную церковь). Когда князь скончался, его погребли в этом храме. Люди плакали по нему: бояре как по отцу, простой люд как по заступнику, сироты как по помощнику, нищие и вдовицы как по печальнику и кормителю [22, с. 140].

В заключение автор, используя классический риторический приём, воздаёт славление Владимиру, сотворившему дело, равное апостолам. Князь именуется «Господнем апостолом», «вождем и учителем» подданных, который «истерзав льстное тернье из Руси, взорав крещеньем всю Русьскую землю».

Из двухсот сохранившихся рукописей лишь 20 принципиально отличаются по содержанию от Проложного жития. Другие списки, безусловно, имеют различные дополнения и разночтения. Их писатели пользовались такими древними текстами, которые не дошли до нас. Кто-то из книжников пытался сгладить несогласованные фрагменты, яснее осветить подвиг князя, прояснить «тёмные» места в изложении; кто-то, наоборот, снабжал первоначальный текст такими нелепыми и нелогичными подробностями и уточнениями, что из-за них становилось трудно увидеть ясный и светлый образ князя, просвещённого светом христовой веры, а также мотивы, обстоятельства и причины принятия им христианства².

В состав 20 рукописей, стоящих особняком к разобранному тексту, входит древнее житие (согласно классификации А. А. Шахматова) [22, с. 171–189]. По мнению учёного, оно написано в глубокой древности, ранее «Повести временных лет» и даже начального свода, т. е. в первой половине XI в., видимо, близко ко дню смерти князя; однако его самый ранний список восходит к 1414 г. Древнее житие — это краткая редакция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, которая является более гомилетическим произведением, чем агиографическим (как и «слово» митрополита Илариона Киевского).

Древнее житие коренным образом отличается от большинства агиографических памятников о святом Владимире. Оно начинается с краткого упоминания, некоей идентификации князя, которое напрямую связано с его крещением: «Володимир, внук Олжин, крестив ся сам, и чади своя, и всю землю Рускую от конча и до конча» [22, с. 178]. Однако главный момент в жизни князя — событие, связанное с принятием им христианской веры, его крещением, — отнесено в самый конец древнего жития и как бы случайно упомянуто в ряду других событий. По мнению А. А. Шахматова, для автора жития этот момент не так важен, он не является главным в его повествовании [22, с. 172]. Автор вовсе не упомянул о месте крещения, для него и это не так важно, важен сам факт, но не его подробности.

Сочинитель древнего жития не раз сравнил святого Владимира в его личных чертах и поступках с ветхозаветными праведниками Авраамом, Иаковом, Моисеем, также князь «подобаяся царем святым» — пророку Давиду, царю Езекии, «треблаженному» Иосии, первому христианскому императору Константину I Великому. «Эти уподобления отмечают не только ретроспективно-историософскую глубину оценки Владимира Святославича как правителя, — подчёркивает профессор В. М. Кириллин, — ими прямо и перифрастически, иносказательно, в соответствии с известными фактами биографий названных библейско-исторических персонажей, обозначаются также радостный характер приятия князем веры, его борьба с язычеством и его личностные свойства — гостеприимство, правдолюбие, смиренность, незлобивость, благочестие, милосердие» [8, с. 38].

Автор древнего жития увидел главный подвиг равноапостольного Владимира в том, что «блаженный князь <...> послужив Богу всим сердцем и всею душою» [22, с. 178]. Множество раз древнерусский книжник повторил в своём произведении, что

² Особенно интересно в этом плане «Житие Владимирово особого состава» (согласно классификации А. А. Шахматова) [22, с. 314–321].

Владимир «всим сердцем и всею душею Бога взлюби и заповеди его взыска и схрани». Чтобы стало ещё более рельефным его внутреннее величие, автор затронул тему отсутствия чудес у святого Владимира и, ссылаясь на святителя Иоанна Златоуста, заметил, что только от дел можно познать праведника, а дела Владимировы — «любы, терпенье, благоверье, благодать, кротость и въздержанье» [22, с. 179]. «Чем не чудеса у бывшего язычника?» — словно спрашивает нас автор.

В древнем житии святой Владимир и молится совсем не так, как в Проложном житии и ему подобных памятниках. Князь молится «в радости, смиренъем сердца глаголаше» — важная черта, на которую обратил внимание автор. В первую очередь святой Владимир благодарит Бога за возможность его познать, за своё просвещение, за дарованную благодать избавления от тьмы, служения бесам, скотского существования. Святой Владимир просит Бога помиловать себя, наставить на путь истинный и научить творить волю Господню [22, с. 180].

Вслед за молитвой раскрываются дела князя: приводится подробный рассказ о его подвиге милосердия, причём не только в Киеве, а «по всей земли Руской, и в градах, и в селех, вседе милостыню творяше». Как результат такого нравственного преобразования князя Владимира явилась ему помощь Божия на врагов его: «И побежаше вся врагы <...> и бояхутся его вси» [22, с. 181]. Здесь же автор рассказывает о взятии Корсуня: на третье лето по крещении великий князь Владимир, стоя под городом, обратился с горячей молитвой к Богу, прося Его помочь овладеть непреступной крепостью. Бог услышал молитву, и князь «прия град Корсунъ» (некоторые видят в этом отрывке параллель с обращением к Богу равноапостольного Константина Великого во время битвы с Максенцием и затем с Лицинием [23]). Заметим, как написал книжник: «прия» корсунъ (не «взя», не «плени», как в Проложном житии, а «прия», т. е. принял, словно из рук Божиих), взял священные артефакты (сосуды, иконы, мощи) и направил посольство в Царьград с просьбой руки сестры императоров. Цесари его послушали и дали не только сестру, но и «дары многы присласта к нему, и мощи святых даста ему» [22, с. 182].

Подытоживая жизнь святого князя, автор вновь обращается к его милосердию, к церковной десятине, к добрым делам, к истинному сокровищу Владимира, которое «на небесех <...> тамо и сердце его бе в царьствии небеснем» [22, с. 183]. Несколько раз автор говорит о глубоком покаянии Владимира («каяшеся и плакашеся <...> всего того, елико створи в поганьстве <...> покаявся всего»), много раз подчёркивает милосердие и добрые дела, которыми он служил Богу. Именно это — центральная мысль автора древнего жития: освятить личный, внутренний подвиг Владимира, показать его героические черты как воина Христова.

Сравнивая эти две неравные группы памятников, можно отметить два принципиальных отличия: фактографический и имагологический. В отношении образности в большинстве редакций князь Владимир предстаёт этикетным, схематичным, сухим политиком, правителем, попечителем о своих людях, порой непоследовательным в своих действиях и желаниях. В другой группе, в редком древнем житии князь принимает не политическое, а личное, духовное решение. Он наделён чертами живой религиозной и отзывчивой натуры. В каждом действии читается глубокая связь святого Владимира с Богом, его духовные переживания, пылкое покаяние, следование заповедям; его деяния обоснованы и логичны.

По фактографическому признаку хронология и последовательность повествования и в большинстве житийных источников, и в летописном рассказе вызывают

массу вопросов. Во-первых, отсутствие удовлетворительного объяснения причин, побудивших святого Владимира переменить веру своих отцов; во-вторых, сложность понимания истинных мотивов похода на Корсунь; в-третьих, нелогичность изложения временного хода событий. Это дало повод Е. Е. Голубинскому объявить весь рассказ о крещении Руси «вымыслом какого-то досужего любителя составлять занимательные и замысловатые повести» [3, с. 105, 110–111]. В целом большинство житийных источников имеет общую с текстом древнерусского летописного свода начала XII в. (Повести временных лет) тенденцию, направленную, как точно отметил А. Е. Пресняков, «к вящей славе Византии»³. Центральным моментом этих повествований является так называемая «Корсунская легенда» — крещение Владимира в Корсуне.

Согласно выводам А. А. Шахматова, корсунская версия крещения Владимира была сочинена греческим духовенством для утверждения важной роли Византии в крещении Руси [23; 25, с. 134 и далее]. Значительное количество списков житий святого Владимира разных редакций, в каждой из которых присутствует «Корсунская легенда», убеждает в навязывании читателям определённой точки зрения. Более того, существуют самостоятельные внелетописные редакции «Корсунской легенды», которые отличаются друг от друга [10; 11; 13, с. 690–718], что в ещё большей степени выдаёт вымышленное происхождение этой «Легенды» и ещё более убеждает в предположении о навязывании роли Византии в крещении Руси.

С этим предположением связаны и случайные, отрывочные сведения в русских источниках в первые полвека после принятия христианства Владимиром о церковной организации. Историю русской церковной иерархии этого периода можно восстановить лишь гипотетически; часть исследователей даже считают, что сама церковная организация возникла только через 50 лет после того, как Русь официально стала христианской. Кроме отсутствия сведений, основания для такого мнения дают сообщения «Повести временных лет» о начале строительства кафедрального митрополичьего собора в Киеве в 1037 г. и о киевском митрополите Феопемпте, впервые упомянутом в 1039 г. [18, стб. 151, 153; 19, стб. 139, 141]. До этого момента в летописи вообще нет упоминаний о главе русской Церкви и какой-либо церковной организации.

На основе умалчивания русских летописей о церковной организации до 1030-х гг. М. Д. Приселков построил концепцию о вхождении Руси в ведомство не Константинопольской, а Охридской кафедры и уничтожении всех свидетельств этого первым митрополитом Феопемптом (всё для той же «вящей славы Византии») [17, с. 77–84]. Существенным аргументом в построениях А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, связанных с учреждением митрополии в 1039 г., является создание древнейшего летописного митрополичьего свода в 1039–1040 гг., что очень традиционно для византийской хронографии [17, с. 46].

Именно поэтому молчат русские летописи о церковной организации и приводятся новые факты об обстоятельствах и времени крещения святого Владимира: летописец отдаёт предпочтение сообщению о крещении Владимира в Корсуне, что в значительной мере укрепило литературную и историческую традиции. Более того, в словах летописца можно видеть полемику с читателем; автор не просто излагает факты, но настаивает на своём мнении, зная, что читающим известна и другая точка зрения: «Не сведуще право глаголють, яко кръстился есть в Киеве, и ини же реша в Василеви, друзии же инако скажють» [18, стб. 111; 19, стб. 97].

³ Ad majorem Byzantiae gloriam [14, с. 355].

Эта «информационная война» уничтожила практически все исторические свидетельства о первых пятидесяти годах существования русского христианского государства во главе с равноапостольным князем-крестителем Владимиром. М. Д. Приселков яркими красками нарисовал «гонение», воздвигнутое «греками» на порядки и традиции Владимирова периода в истории русской Церкви. Исследователь подчёркивал, что в это время «пошло в ход то тенденциозное искажение ранней истории русского христианства, которого наиболее ярким выражением была пресловутая “Корсунская легенда”. Старому центру христианского культа десятинной церкви приходит на смену новый собор — “митрополия”, св<ятой> Софии премудрости Божией <...> налицо вымарывание из летописей сведений об этом неприятном для ромеев периоде» [14, с. 357–359]⁴.

Большой заслугой М. Д. Приселкова надо признать то, что его построения впервые дали некоторую возможность понять, что же, собственно, произошло в церковных делах при благоверном князе Ярославе Мудром. И как бы ни было спорно или малоодказательно его предположение о подчинении русской Церкви Охридскому Патриархату, оно вызывает не больше сомнений, чем устоявшееся и считающееся традиционным представление о каких-либо «греческих митрополитах» при Владимире. Это предположение выросло из прямой научной потребности объяснить отсутствие известий о ранних русских межцерковных отношениях.

Гипотеза М. Д. Приселкова значима как научная попытка объяснить церковно-политические условия существующих отличий в иерархическом строе и характерных течениях духовной культуры X–XI вв., зафиксированных наблюдениями академика Н. К. Никольского. В работах о древнерусском христианстве он отметил в русской письменности того времени идущие от времени святого Владимира черты веро- и нравоучения, чуждые суровому аскетизму и отрицанию мира. Суть раннего русского христианства, по Н. К. Никольскому [12], в большом «религиозном оптимизме». Это — вера деятельной любви, примиряющая радость веры с радостью жизни. Путь к спасению — крещение, а милостыня — главная «заповедь» этого учения. Это наблюдение подводит глубокие основы под серьёзное различие в укладах киевской церковно-религиозной жизни времён князя Владимира и его сына Ярослава.

Есть ещё одна причина, по которой ромеи имели желание вести «информационную войну» в свою пользу за будущие поколения. В древнерусской книжности имеются другие памятники, в которых кратко упоминается о времени крещения Владимира. Это — «Слово о Законе и Благодати», принадлежащее святителю Илариону, митрополиту Киевскому (30–40-е гг. XI в.), и «Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе», написанное в 80-е гг. того же века и принадлежащее перу преподобного Нестора Летописца. Оба книжника в один голос вместе с автором древнего жития заявляют, что причиной, побудившей князя Владимира стать христианином, было «явление Божие»: «...посетил Его посещением своим Всевышний, призрело на него всемилостивое Око преблагого Бога», «...воспламенил Дух Святый сердце его» [8, с. 36–48].

Безусловно, будучи, по слову святителя Илариона, «остр умом», святой князь Владимир не мог не сознать, какие трудности придётся ему преодолеть для убеждения своих подопечных обратиться к христианской вере. Совсем незадолго до обращения Владимира киевляне-язычники подвергли мучительной казни двух христиан — святых

⁴ Под 1036 г. преподобный Нестор пишет: «И ступишася (печенеги) на месте, идеже стоит ныне святая Софья, митрополъя руськая», а под 1037 г. выражается так: «Заложил Ярослав город великий Киев <...> заложил же и церковь святыя Софья, митрополью» [18, стб. 65].

Феодора и Иоанна. Объявить в сложившейся обстановке о неожиданной перемене веры, заставить отказаться от его освященных веками языческих суеверий было бы крайне опасным и необдуманным шагом. Решение, принятое святым Владимиром, показывает высшую политическую мудрость и благоразумие князя, его «благий смысл»: его крещение было совершено без особой торжественности и на первых порах оставалось тайной для современников. Только этим можно объяснить отсутствие у Иакова Мниха, святителя Илариона и преподобного Нестора сведений о месте крещения великого князя. Можно предположить, что это событие произошло в самом Киеве или в Василеве.

Тот же «благий смысл и острый ум» святого Владимира, ту же политическую мудрость и заботу о благе своего войска мы видим во время осады Корсуни. Эта осада была очень нелегка и сопряжена с огромными трудностями и потерями. Тем не менее, как сообщают отечественные источники, великий князь готов был стоять под городом и три года. Трудно поверить, чтобы подобную настойчивость мог проявить человек, желавший отомстить за обман или мечтавший удовлетворить своё тщеславие, женившись на сестре императора.

Мудрость равноапостольного Владимира подсказывала ему, что из противоречивого опыта высокоразвитой и исполненной своих сложностей цивилизации ромеев следовало позаимствовать, а что оставить в стороне. Князь прекрасно понимал, что этот опыт, воспринятый буквально и слепо, наверняка приведёт молодое государство к катастрофе. Именно такому взрослению и постепенной рецепции, приспособлению, отвечали первые десятилетия христианской истории Руси. Кроме выбора веры, существовала ещё традиционная и вполне повсеместная практика, в которой миссионерский успех византийцев означал также вовлечение новых народов в орбиту военных и политических интересов империи, наложение на них, наряду с благим игом христовым, куда менее благих уз политической и идейной зависимости. Древность, особые заслуги в утверждении христианства, титульное положение в империи делали греков в собственных глазах наций с особым призванием и правами. Другие народы, варвары, имели, по мнению ромеев, назначение и высшее благо в том, чтобы быть присоединёнными к христианскому царству и воздавать почтение своим владыкам и просветителям. Политические грёзы о едином мировом государстве становились неотъемлемой частью церковной доктрины, отмечал А. В. Карташов [5, с. 71–100]. Согласно позиции Византии, когда тот или иной народ обращался в православную веру (а православную Церковь возглавляли византийские патриарх и император), этот народ автоматически становился вассалом Византии.

Примером тому служит трагедия другого славянского народа — болгар, на протяжении целого столетия не на жизнь, а на смерть отстаивавшего право на независимость и в результате совершенно обескровленного этой борьбой. Князь Владимир, приняв решение крестить Русь, не мог совершить это Таинство без отрицательных политических последствий для своего формирующегося государства. Он искал удобных обстоятельств, чтоб не подпасть под очередное вероломство Византии. По выражению протоиерея Александра Шмемана, «само крещение становилось уже не только вступлением в стадо христово, воцарением благодати, — но — в какой сильной мере! — принятием “византийского подданства”» [28]. Об этом ярко писал А. С. Пушкин в письме П. Я. Чаадаеву: «У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева» [20, с. 308].

Святой Владимир сумел переломить «византийскую традицию» и превратить русское государство из потенциального вассала в партнёра и союзника Византии.

Из Корсуня киевский князь возвратился с триумфом. Различие с картиной крещения тех же болгар заметно с первого взгляда: царь Борис дал окрестить себя, будучи побеждённым, в качестве символической контрибуции за военное поражение; Владимир, напротив, делал Византию своим должником в политическом смысле, приняв крещение в качестве жеста доброй воли и необходимого условия брака с греческой принцессой Анной. Необходимость брака с Анной понять несложно, зная династическую практику, по которой европейские страны разделялись на «передовые» и «отсталые» в соответствии со своей древностью и родовитостью. Наличие прямой родственной связи с византийским императорским домом давало Руси неоспоримые преимущества, тем более тогда мало кто в Европе мог похвастать подобной генеалогией. Брак багрянородной царевны с киевским князем (по сути, язычником) представлял собой первый и из ряда вон выходящий случай. История крещения Руси складывалась не по сценарию греков, и первоначальная организация русской Церкви ушла из-под их контроля. Святой Владимир стремился, так сказать, держать руку на пульсе не только в политической, но и в религиозной сфере. Он, если и не переподчинил русскую Церковь Охридской, как предположил М. Д. Приселков (некоторым исследователям такое предположение не по душе), то сделал её максимально автономной, причём ни то, ни другое было просто недопустимо с точки зрения греков.

Таким образом, святой равноапостольный князь Владимир остался полным хозяином и в государстве, и в Церкви. Он нашёл в себе смелость поступать в соответствии с собственным, не обусловленным извне видением насущных нужд своего государства и своей Церкви. Он смог уберечь христианскую Русь от угрозы имперской вассальной зависимости. Первопричиной этих свершений была сила духа князя, рождаемая верой. Последствия этой информационной войны, начавшейся тысячу лет назад, до сих пор нарушают плавное течение нашей истории. Побывайте в Севастополе, точнее, в его пригороде Херсонесе, послушайте гомилетические пассажи русского духовенства (от высшего до низшего), почитайте брошюры о святом князе Владимире... Вы увидите, что победа досталась ромеям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники. 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 968 с.
- 2 Берман Б. И. Читатель жития (агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 159–183.
- 3 Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1901. Т. I: 1-я пол. 968 с.
- 4 Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
- 5 Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси. Париж: Изд-е Особого Комитета под председательством Сильвестра, епископа Мессинского, викария митрополита русских православных церквей Западной Европы и экзарха патриарха Вселенского, 1956. 253 с.
- 6 Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж: YMCA-PRESS, 1959. Т. 1. 681 с.
- 7 Карташев А. В. Церковь. История. Россия. М.: Пробел, 1996. 301 с.
- 8 Кириллин В. М. Образ князя Владимира Святославича в ранних древнерусских

- гомилиях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 32–48.
- 9 Милютенко Н. И. Литературный цикл о князе Владимире: книга А. А. Шахматова в свете историографической традиции и новейших исследований // Шахматов А. А. Жития князя Владимира: текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подгот. текста, предисловие Н. И. Милютенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 13–96.
- 10 Никольский Н. К. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // Христианское чтение. СПб., 1902. № 7. С. 89–106.
- 11 Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X–XI вв. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, 1906. 605 с.
- 12 Никольский Н. К. О древнерусском христианстве // Русская мысль. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1913. Год тридцать четвертый, кн. VI. С. 1–23.
- 13 Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2004. Т. VIII: Вероучение — Владимир-Волынская епархия. 752 с.
- 14 Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: очерки по X–XII векам. М.: Наука, 1993. 635 с.
- 15 Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. Т. 1. 298 с.
- 16 Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 328 с.
- 17 Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 248 с.
- 18 Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928 (фототипический репринт. М.: Наука, 1962). Т. 1. 379 с.
- 19 Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43), 1908. Т. 2. 938 стб. + 108 с.
- 20 Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959–1962. Т. 10: Письма 1831–1837. 484 с.
- 21 Розов В. А. Личность Владимира Святого в русской литературе // Владимирский сборник. В память 950-летия Крещения Руси. 988–1938. Белград: Тип. Меркур, 1938. С. 155–173.
- 22 Шахматов А. А. Жития князя Владимира: текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 384 с.
- 23 Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб.: Тип. Императорской АН, 1906. 128 с.
- 24 Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. 372 с.
- 25 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 687 с.
- 26 Шахматов А. А. Сборник статей и материалов / под ред. акад. С. П. Обнорского. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 476 с. (Труды Комиссии по истории Академии наук СССР / под общей редакцией акад. С.И. Вавилова; Вып. 3).
- 27 Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1 // Летопись занятий Археографической комиссии за 1916 г. Вып. 29. Пг.: Археографическая комиссия, 1916. 403 с.
- 28 Шмеман А., прот. Исторический путь Православия. Париж, 1989. URL: <http://>

www.sedmitza.ru/lib/text/436732/ (дата обращения 20.08.15).

*Mikhail V. Pervushin,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Povarskaya str. 25a, 121069 Moscow, Russia*

INFORMATION WAR OF ANCIENT RUS'

Abstract: The approximate number of the manuscripts currently known and their versions about the Holy Prince Vladimir for the entire medieval period totals 27 works. Even so, there is very little factual data about Prince Vladimir himself and the then Russian Church in these ancient manuscripts. When studying most works of this written heritage an observant researcher would find himself in perplexity with many questions. But a small number of the Old Russian written monuments are noted for being well-grounded and logical in describing great princely deeds. The author adheres to the opinion that this was a consequence of the "information war", which Rus' lost to the Greeks and during which practically all historic evidence about initial half century existence of the Russian Christian state headed by the St. Vladimir, Equal-to-the-Apostles Prince, the Baptizer of Rus', was destroyed. In present days a researcher can reconstruct the history of that time only hypothetically.

Keywords: ancient Rus', Holy Prince Vladimir, Russian Church, Byzantium, Romaioi, hagiography, state, Christianization, the Slavs.

Received: 24.03.2016

Information about the author: Mikhail V. Pervushin — PhD in Philology, Senior researcher of Department of ancient Slavic literatures, A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences. E-mail: 1609pm@gmail.com

REFERENCES

- 1 *Aleksandr Evgen'evich Presniakov: Pis'ma i dnevniki* [Alexander E. Presnyakov: Letters and diaries]. 1889–1927. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 968 p. (In Russ.)
- 2 Berman B. I. Chitatel'zhitia (agiograficheskii kanon russkogo srednevekov'ia i traditsiia ego vospriiatiia) [The reader of the lives (hagiographic canon of Russian Middle Ages and the tradition of its perception)]. *Khudozhestvennyi iazyk srednevekov'ia* [Artistic language of the Middle ages]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 159–183. (In Russ.)
- 3 Golubinskii E. E. *Istoriia Russkoi Tserkvi* [The History of the Russian Church]. T. I. 1-ia pol. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1901. 968 p. (In Russ.)
- 4 Gudzii N. K. *Istoriia drevnei russkoi literatury* [The history of Old Russian literature]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1938. 448 p. (In Russ.)
- 5 Kartashev A. V. *Vossozdanie Sviatoi Rusi* [Reconstruction of Holy Rus']. Paris, Izдание Osobogo Komiteta pod predsedatel'stvom Sil'vestra, episkopa Messinskogo, vikariia mitropolita russkikh pravoslavnykh tserkvei Zapadnoi Evropy i ekzarkha patriarkha Vselenskogo Publ., 1956. 253 p. (In Russ.)
- 6 Kartashev A. V. *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi* [Essays on the Russian Church History]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1959. Vol. 1. 681 p. (In Russ.)
- 7 Kartashev A. V. *Tserkov'. Istoriia. Rossiia* [Church. History. Russia]. Moscow, Probel

- Publ., 1996. 301 p. (In Russ.)
- 8 Kirillin V. M. *Obraz kniazia Vladimira Svyatoslavicha v rannikh drevnerusskikh gomiliakh* [The image of Prince Vladimir Svyatoslavich in early Russian Homilies]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. Issues of Middle Age study], 2014, no 2 (56), pp. 32–48. (In Russ.)
- 9 Miliutenko N. I. *Literaturnyi tsikl o kniaze Vladimire: kniga A. A. Shakhmatova v svete istoriograficheskoi traditsii i noveishikh issledovaniï* [Literary series about Prince Vladimir: the book by Shakhmatov in the light of historiographical tradition and the latest research]. *Shakhmatov A. A. Zhitiia kniazia Vladimira: tekstologicheskoe issledovanie drevnerusskikh istochnikov XI–XVI vv.* [The Lives of Prince Vladimir: textological research of old Russian sources of XI–XVI c.], podgot. teksta, predislovie N. I. Miliutenko. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, pp. 13–96. (In Russ.)
- 10 Nikol'skii N. K. *K voprosu ob istochnikakh letopisnogo skazaniia o sv. Vladimire* [On the question about the sources of the chronicle stories about St. Vladimir]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading]. St. Petersburg, 1902, no 7, pp. 89–106. (In Russ.)
- 11 Nikol'skii N. K. *Materialy dlia povremennogo spiska russkikh pisatelei i ikh sochinenii X–XI vv.* [Materials for time-based list of Russian writers and their works of X–XI centuries]. St. Petersburg, Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1906. 605 p. (In Russ.)
- 12 Nikol'skii N. K. *O drevnerusskom khristianstve* [About Old Russian Christianity]. *Russkaia mysl'*. Moscow, Tip. tov-va I. N. Kushnerev i Ko Publ., 1913. God tridsat' chetvertyi, kn. VI, pp. 1–23. (In Russ.)
- 13 *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2004. Vol. VIII: Verouchenie — Vladimiro-Volynskaia eparkhiia. 752 p. (In Russ.)
- 14 Presniakov A. E. *Kniazhoe pravo v Drevnei Rusi: ocherki po X–XII vekam* [Prince right in old Russia: Essays on the X–XII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 635 p. (In Russ.)
- 15 Presniakov A. E. *Leksii po russkoi istorii* [Lectures on Russian History]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1938. Vol. 1. 298 p. (In Russ.)
- 16 Priselkov M. D. *Istoriia russkogo letopisaniia XI–XV vv.* [The history of Russian chronicles of XI–XV centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996. 328 p. (In Russ.)
- 17 Priselkov M. D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi XI–XII vv.* [Essays on Church and political history of Kievan Rus in XI–XII centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 248 p. (In Russ.)
- 18 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1926–1928 (fototipicheskii reprint. Moscow, Nauka Publ., 1962). Vol. 1. 379 p. (In Russ.)
- 19 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, Tipografia M. A. Aleksandrova (Nadezhdinskaia, 43) Publ., 1908. Vol. 2. 938 col. + 108 p. (In Russ.)
- 20 Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works in 10 vol.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1959–1962. Vol. 10:

- Pis'ma 1831–1837. 484 p. (In Russ.)
- 21 Rozov V. A. Lichnost' Vladimira Sviatogo v russkoi literature [The Personality of St. Vladimir in Russian literature]. *Vladimirskii sbornik. Vpamiat' 950-letii Kreshcheniia Rusi. 988–1938* [Vladimir collection. In the memory of 950 years anniversary of Kievan Rus]. Belgrad, Tip. Merkur Publ., 1938, pp. 155–173. (In Russ.)
- 22 Shakhmatov A. A. *Zhitiia kniazia Vladimira: tekstologicheskoe issledovanie drevnerusskikh istochnikov XI–XVI vv.* [The Lives of Prince Vladimir: textological research of old Russian sources of XI–XVI c.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014. 384 p. (In Russ.)
- 23 Shakhmatov A. A. *Korsunskaiia legenda o kreshchenii Vladimira* [Korsun legend of the baptism of Vladimir]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1906. 128 p. (In Russ.)
- 24 Shakhmatov A. A. *Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv.* [Review of Russian chronicles of XIV–XVI centuries]. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1938. 372 p. (In Russ.)
- 25 Shakhmatov A. A. *Razyskaniia o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh* [Research on ancient Russian chronicles]. St. Petersburg, Tipografiia M. A. Aleksandrova Publ., 1908. 687 p. (In Russ.)
- 26 Shakhmatov A. A. *Sbornik statei i materialov* [Collection of articles and materials], ed. akad. S. P. Obnorskogo. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1947. 476 p. (Trudy Komissii po istorii Akademii nauk SSSR / ed. akad. S. I. Vavilova; issue 3). (In Russ.)
- 27 Shakhmatov A. A. *Povest' vremennykh let. T. 1* [The Tale of Bygone Years. Vol. 1]. *Letopis' zaniatii Arkheograficheskoi komissii za 1916 g.* [The Chronicle of 1916 Archeological committee studies]. Petrograd, Arkheograficheskaiia komissiia Publ., 1916. Issue 29. 403 p. (In Russ.)
- 28 Shmeman A., prot. *Istoricheskii put' Pravoslaviia* [Historical Path of Orthodoxy]. Paris, 1989. Available at: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/436732/> (Accessed 20 August 2015). (In Russ.)